

Стоило Сун Шижэню заговорить, и зрители узнали, как обстояло дело. Оказывается, все эти люди зарабатывали себе на жизнь на ночных улицах и при допросе почтительно признались Сун Шижэню, что прошлым вечером видели, как паланкин семьи Фань покинул поместье Цзинвана, но его понесли не домой, а в западную часть города, и затем уже глубокой ночью тайком доставили в поместье.

Фань Сянь, прищурившись, оглядывал собравшихся, отчасти восхищаясь способностями семьи Го, на удивление сумевшей за полдня собрать столько людей, которым случилось заметить его. Чжэн То, видя, что он ничуть не беспокоится, немного заволновался и, понизив голос, сказал:

— Сейчас ни в чём не признавайтесь, лишь отвечайте, что все эти люди подкуплены семьёй Го.

Вздыхнув, Фань Сянь ответил:

— Го Баокуня всё же избили, его состояние очень тяжёлое, неужели только ради того, чтобы оболгать меня, они пошли на такие траты и хлопоты? Это нелогично.

Чжэн То не думал, что молодой господин может принять точку зрения противника, и застыл от удивления. В это время губы Сун Шижэня изобразила язвительная усмешка, и он взглянул на Фань Сяня:

— Молодой господин Фань прошлой ночью разве не был в поместье? Отчего же столько людей в столице наблюдали, что вы вовсе не вернулись домой? Осмелюсь спросить молодого господина Фаня: пробираясь ночью по улицам столицы, что вы собирались делать такое, что понадобилось прибегать к скрытности?

Градоначальник Мэй Чжили хмуро уставился на Фань Сяня, ожидая, что он ответит. В зале суда настала тишина. Фань Сянь вздохнул, на его лице отразилось некоторое смущение оттого, что его тайну раскрыли; он несколько сконфуженно улыбнулся и тихо ответил:

— Вчера... я провёл ночь в «Приюте пьяного бессмертного».

Все прекрасно знали, что за место «Приют пьяного бессмертного», и, услышав, что этот молодой господин провёл ночь в публичном доме и его странному поведению нашлось приемлемое объяснение, толпа зрителей в один голос ахнула и в ней начались смешки, среди которых, конечно, раздавались издёвки в адрес Фань Сяня. Услышав это объяснение, Мэй Чжили облегчённо выдохнул, однако Сун Шижэнь, по-прежнему улыбаясь и не отставая, спросил:

— «Приют пьяного бессмертного»? Осмелюсь спросить, есть ли у молодого господина Фаня свидетели?

— Барышня Сы Лили может быть свидетелем, — немного неловко ответил Фань Сянь. Сун

Шижэнь остановился и вдруг саркастически улыбнулся:

— Неужели? Однако... барышня Сы Лили уже покинула столицу и направилась в Сучжоу, несомненно, это большая удача. Не уверен, не боится ли кто-то, что барышня Лили скажет что-то такое, чего не должна?

Фань Сянь поднял голову и уставился на Сун Шижэня, только сейчас поняв, какую уловку применила семья Го, вынудив барышню Сы Лили уехать из столицы. Кажется, противник подготовился заранее. Видя, что он молчит, Сун Шижэнь, действуя по готовому плану, почтительно обратился к господину Мэю:

— Дело уже прояснилось. Молодой господин Фань вначале нанёс побои, затем ложно свидетельствовал. Прошу господина заключить этого преступника под стражу до вынесения приговора.

Немного успокоенный Чжэн То внезапно улыбнулся:

— Насколько же громкие слова! Неужели то, что молодой господин ночью отправился на прогулку, нужно называть таким серьёзным преступлением?

Сун Шижэнь продолжил допытываться:

— Раз молодой господин Фань отправился на прогулку, прошу поведать присутствующим, почему вы сказали, будто он всю ночь провёл в поместье?

Чжэн То уверенно ответил:

— Ночевать среди цветов, спать под ивами\* — всегда звучит не очень хорошо, вот я и был раньше вынужден...

Сун Шижэнь прервал его, рассмеявшись:

— «Ночевать среди цветов, спать под ивами»? И где теперь эти цветы? И эти ивы? — он поклонился на все стороны и чётко продолжал: — Позавчера молодой господин Го разошёлся во мнениях с молодым господином Фанем и тут же вчера подвергся нападению. Во время нападения разбойник назвался Фань Сянем. Молодой господин Фань прошлую ночь провёл не дома, однако неясно, где он был. Зададимся вопросом: кто же настоящий преступник? Неужто это не понятно с одного взгляда?

Мэй Чжили, равнодушно глядя на этого законника, думал: «Можешь говорить, пока язык не отвалится, неужели ты считаешь, что это заурядное судебное дело?» Неизбежно его мнение об этой «Денежной Пасти» опустилось ниже некуда. Покрутив головой, он спросил:

— Фань Сянь, у тебя есть доказательства, подтверждающие твоё вчерашнее местопребывание?

Фань Сянь подумал и засмеялся:

— На самом деле... вчера мы отправились развлекаться вместе с принцем Цзинваном, не знаю, подойдёт ли он как свидетель?

\*\*\*

Поскольку к делу приплели принца Цзинвана, чёрта с два оно закончилось бы. Мэй Чжили с потемневшим лицом приказал двум служащим подойти и тихо сказал им несколько фраз. Затем он объявил, что дело временно приостановлено, Фань Сянь должен оставаться под наблюдением и не выезжать из столицы. Семья Го возражала, но ничего не могла поделать: авторитет свидетеля противной стороны был слишком высок. Не в силах ничего сделать прямо сейчас, они были вынуждены вернуться в поместье и ещё раз всё обсудить. Столичные зеваки, наблюдая такой на удивление скучный финал — семьи министра церемоний и шилана не устроили никакого скандала, а всё уже кончилось, — немного пошумели и разошлись. Когда Фань Сянь и Чжэн То выходили из управы, то к своему изумлению заметили, что Сун Шижэнь ожидает их снаружи.

— Молодой господин Фань, — с улыбкой поприветствовал он. Фань Сянь не знал, чего тот хочет, и вежливо ответил. Сун Шижэнь тихо сказал: — Семья Го благоволит мне, поэтому сегодня я, сам того не желая, вызвал ваше недовольство.

Фань Сянь вдруг вспомнил кое о чём и, нахмурившись, спросил:

— Барышня Сы Лили действительно покинула столицу?

Сун Шижэнь подтвердил. Покинув суд, он снова стал смотреть на юношу благородных кровей с большим почтением. Фань Сянь, глядя на него, поинтересовался:

— Это ваших рук дело или семьи Го?

Сун Шижэнь изумлённо ответил:

— Я считал, что это молодой господин Фань услал её из города... Неужто прошлым вечером вы действительно были в «Приюте пьяного бессмертного»?

Фань Сянь ухмыльнулся:

— Неужто вы действительно считаете, что я избил Го Баокуня?

Хотя сейчас дело было приостановлено, две стороны всё же не могли поговорить начистоту. После нескольких фраз Сун Шижэнь развернулся, уселся в маленький паланкин и покинул столичную управу. Глядя ему вслед, Фань Сянь удивлённо произнёс:

— Уже вызвал недовольство, так зачем ещё подходить и выражать доброе расположение?

— Сун Шижэнь — умный человек, — Чжэн То с улыбкой покачал головой и тихо продолжил: — В поместье молодой господин не упоминал, что вместе с принцем Цзинваном угощался вином в обществе куртизанок. Когда Сун Шижэнь повёл такую игру, я чуть до смерти не перепугался.

Фань Сянь рассмеялся:

— Всем известно, что суд — это всего лишь показуха, зачем нервничать?

Чжэн То покачал головой и вздохнул:

— Как бы ни развивалось это дело, мы всё равно нанесли оскорбление семье Го.

— Если уж обижать кого-то, лучше уж выбрать того, кто сам может тебя обидеть.

— Молодой господин, ваша... репутация повесы, репутация поэта... думаю, через день уже распространится по столице.

— Таково было моё желание, но я не смел просить об этом\*\*.

— Моё уважение.

— Ну что вы, что вы.

\*\*\*

На многочисленных внутренних покоях дворца жёлтая черепица сияла золотом в солнечном свете. Неизвестно почему, алые стены создавали давящее впечатление. В дальнем саду пожилая тётушка с благодушным выражением лица, полуприкрыв глаза, слушала стоящую рядом придворную даму, перед ней сидели ещё две благородные дамы, прислуживающие ей. На каменном столике были вперемешку сложены разнообразные фрукты и плоды. Одна из дам, строгого облика, с фениксовыми глазами и алыми губами, с лицом, полным настороженности и сдержанности, очистила фрукт и осторожно подала старой тётушке поесть.

— Государыня, зачем ты, — старушка открыла глаза, увидела протянутый ей фрукт и удивлённо улыбнулась: — Такие дела лучше оставить слугам. Ты правишь Внутренним

дворцом, ты мать Поднебесной. Почему же ты этим занимаешься?

Благородная дама нежно засмеялась и ответила:

— В почтении к родителям нужно проявлять наибольшее усердие.

Эта благородная дама действительно была теперешней императрицей государства Цин, а пожилая женщина, за которой она ухаживала, разумеется, была родной матерью его величества. Когда-то она была супругой принца Чэна, сейчас же звалась вдовствующей императрицей. Вторая неизвестная дама, чьё положение тем не менее позволяло ей сидеть рядом с императрицей, притулилась с другой стороны от неё.

— Хватит читать, — тихо сказала вдовствующая императрица придворной даме, — вы все можете идти.

Все придворные дамы удалились, остались только две старые няньки. Вдовствующая императрица немного отдохнула, закрыв глаза, и спросила:

— Слышала несколько стихов этого ребёнка Фаней, как вам?

Императрица улыбнулась:

— Я ничего не понимаю в литературе, но, кажется, звучат хорошо.

Вдовствующая императрица усмехнулась:

— Хорошо — не то слово. Одно выражает пустые надежды\*\*\* и всё, но вот последнее стихотворение, «За сто тысяч ли от родимого края, в душе исполняясь тоски...», как его мог написать обычный образованный человек? Только вот...

Заметив, что она осеклась, императрица весело спросила:

— Только вот что?

Вдовствующая императрица вздохнула:

— Только вот горе и скорбь в нём слишком тяжелы. В столь молодом возрасте писать с таким духом старости — боюсь, это дитя несчастно.

Заслышав эти слова, до того молчавшая вторая дама вдруг тихонько заплакала, сама не понимая почему расстроившись. Императрица поспешила утешить её:

— Вдовствующая императрица сказала просто так. Если этот Фань Сянь действительно несчастен, вдовствующая императрица подарит ему хоть с ноготь благословения, неужто это не спасёт от неудачи?

Вдовствующей императрице уже очень надоели эти рыдания, с откровенным недовольством она сказала:

— Я родила троих детей: об императоре не стоит говорить, Ли Чжи\*\*\*\* любит развлечения, но всегда помнит о своей судьбе, а вот ты, девочка, десятки лет плачешь, а всё разума не наплакала, честное слово...

Оказывается, это была её родная дочь, а жизнь дочери горестна и безнадёжна, и не стоило говорить с ней так грубо. Дама, тихонько всхлипывая, ответила:

— Моё дитя уже несчастно, а брат-император вопреки всему стремится женить её на этом ещё более несчастном юноше из семьи Фань. Что с ними будет после этого? Что, если Чэнь'эр не выздоровеет?

Значит, эта невероятно хрупкая, плаксивая дама была ещё и возможной тёщей Фань Сяня, незамужней старшей принцессой. В конце концов не выдержав, вдовствующая императрица заругалась:

— Причина болезни Чэнь'эр в том, что ты, как мать, не копила для неё добрые дела, а теперь ещё без стеснения говоришь такое. А ребёнку Фаней каково? Говорят, он должен подарить Чэнь'эр счастливую судьбу, но ведь из-за этого его привезли из Даньчжоу, да к тому же ради какой-то жалкой девчонки без имени, без титула. Это всё только благодаря любви Фань Цзяня к нашей семье. Ты не должна говорить, что семья Фань в чём-то виновата.

Все придворные к тому времени уже ушли, остались только несколько старых нянек, которые застыли, сложив руки, словно ничего не слышали. От волнения грудь вдовствующей императрицы так и вздымалась, императрица торопливо попыталась её растереть, но та отбросила её руку и небрежным тоном проговорила:

— К тому же Чэнь'эр всё равно придётся выйти замуж, а с её положением — дочь придворного, известного министра, генерала — того, кто захочет на ней жениться, вовсе не обязательно ждёт сладкая жизнь. Этот Фань... Фань, как там его?

Императрица тут же напомнила:

— Фань Сянь.

— Точно, Фань Сянь. Ты уже слышала, он на самом деле одарённый юноша. Женить его на Чэнь'эр вовсе не значит оскорбить её, — вдовствующая императрица перевела дыхание и

добавила: — Кроме того, его величество уже подготовил всё к этой свадьбе, какой смысл тебе приходить ко мне и скандалить?

-----

\* Т.е. проводить ночь в борделе.

\*\* Цитата из Мэн-цзы. Когда он уходил в отставку, император сказал что-то вроде «если позволят Небеса, мы ещё увидимся». И Мэн-цзы ответил, что хотел бы этого, но не смел просить.

\*\*\* Пустые надежды выглядят как "зависть + рыба" 魚 (в смысле чем тупить у реки, думая о рыбе, не лучше ли взять сети и наловить). Но это перекликается с рыбой в первом стихе ФС.

\*\*\*\* Цзинван (брат императора).

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1472756>